

Е Мянью в растерянности разглядывал ломящийся от яств низкий столик — и не находил ни одного блюда, которое мог бы съесть. В голову невольно закралось подозрение: неужели это подстроено против него?.. Но, поразмыслив, он решил, что это маловероятно. Среди сегодняшних гостей каждый был благородного и знатного происхождения. С чего бы хозяину усадьбы мелочиться и строить козни в меню ради такого незначительного человека, как он?

Наконец взгляд Е Мянью упал на два последних блюда — простые овощные закуски без капли мяса. Он сощурился.

Зелень маньцин и мальва — единственные два овоща, которые он не употреблял в пищу с тех пор, как очутился в Династии Великая Вэнь. Стоило ему съесть маньцин, как начиналось расстройство желудка, а от мальвы выступала аллергия, и все тело покрывалось нестерпимо зудящей сыпью.

Теперь все стало предельно ясно.

Грудь Е Мянью тяжело вздымалась от гнева. Он округлил свои миндалевидные глаза и яростно уставился вдаль. Там, на почетных местах, восседали тот человек и Шестой принц. Окруженные роскошью, они со спокойным и величественным видом принимали здравицы.

На подобных пирах, разумеется, рекой лилось вино. Однако не успело застолье дойти и до половины, как Е Мянью уже мутило. Днем он только и делал, что дулся в одиночестве, не озаботившись перекусить хотя бы пирожными, а к поданным блюдам прикоснуться не мог. От нескольких чарок, выпитых на пустой желудок, внутри все горело огнем. К несчастью, перед началом банкета он проявил излишнее дружелюбие, и теперь каждый молодой господин желал выпить с ним по чарке. Вэй Аньюань и Ли Чжао перехватили за него несколько кубков, но и они не могли усердствовать слишком явно, чтобы никого не обидеть.

Когда пир перевалил за вторую половину, Е Мянью, не в силах отказаться, запрокинул голову и осушил кубок, поднесенный Шэнь Юэчжаном. Белоснежное лицо Е Мянью уже залил легкий румянец, а уголки глаз подернулись хмельной поволокой. Его влажные от вина розоватые губы казались нежными лепестками персика, омытыми утренней росой.

Глядя на то, как оживился и расцвел юноша, подобно подернутой рябью весенней воде, молодые господа потянулись к нему. Они обступили его со всех сторон и принялись наперебой выражать свое расположение, увлекая разговорами и предлагая выпить еще.

Спустя еще несколько кругов Е Мянью окончательно занемог. Оттолкнув обступивших его гостей, он бросился в уборную.

Стоявший неподалеку Цзян Бэйцин на миг растерянно замер, а затем с размаху хлопнул себя по бедру.

— Дело дрянь!

И поспешил следом.

Е Мянью стоял на коленях на каменных плитах уборной и, обнимая деревянную лохань, мучительно и жалко исходил рвотой. Вэй Аньюань, Жуань Юньшэн и остальные ничем не могли ему помочь, кроме как придерживать его за плечи и хлопать по спине, отчего страшно изводились от беспокойства.

Только что вбежавший Цзян Бэйцин испугался не на шутку.

— Неужели братец Мянью ничего не ел? — спросил он. — Как он посмел пить на пустой желудок?

Вэй Аньюаню не на ком было сорвать злость. Он вскочил и в ярости толкнул вошедшего.

— Ты только сейчас вспомнил, что он не ест баранину?! — вскипел он. — Где ты был, когда твои приятели заливали в него вино? А теперь явился расспрашивать! Кто из нас вообще подружился с ним раньше?

Цзян Бэйцинью устыдился и разозлился. Он и сам прилично выпил, хмель уже ударил в голову, к тому же он всегда терпеть не мог Вэй Аньюаня. От этого толчка гнев в нем вспыхнул мгновенно. Шагнул назад и устояв на ногах, он уже приготовился дать сдачи, но, к счастью, подоспевший слуга вовремя ухватил его за руки.

Пока они препирались, сидевший на полу Е Мянью заплетающимся языком пробормотал:

— Да не орите вы, твою мать!.. Братья, хватайте оружие, забьем до смерти этого...

Не успев договорить, Е Мянью уронил голову набок и затих. Придерживавший его Жуанью Юньшэн нахмурился и крикнул буянам:

— Прекратите немедленно! Он мертвецки пьян, помогите оттащить его в комнату.

Е Мянью проснулся от сосущего чувства голода. Когда он сел в постели, голова все еще отозвалась тупой похмельной болью.

— Который час? — спросил Е Мянью, массируя виски. Голос его звучал сипло.

— Час Сюй только начался.

Лежавший рядом с ним Жуанью Юньшэн, который до этого листал какую-то книгу, тоже приподнялся, повернулся и протянул ему чашку теплого чая. Дождавшись, пока тот напьется, он спросил:

— Все еще скверно себя чувствуешь?

Е Мянью перехватил чашку, жадно осушил ее в два глотка, омывая пересохшее горло, и с облегчением вздохнул:

— Да нет, терпимо. Только проголодался ужасно. Мне сейчас снилось, будто я уплетаю жареную куриную отбивную со сливовой пудрой.

Жуанью Юньшэн невольно усмехнулся:

— Что это еще за диковина? Похоже, ты до сих пор не протрезвел.

Е Мянью сидел на постели и с тоской вздохнул:

— Твоя правда. Боюсь, от этого сна мне уже не очнуться.

Пока они разговаривали, из своих комнат вышли Вэй Аньюань, Ли Чжао и Вэнь Сюнь, наспех накинув верхнюю одежду.

Ли Чжао велел слугам принести еды, а сам запрыгнул на кровать Е Мянью и, приобняв его за

плечи, со смехом поддразнил:

— Ну что, братец Мяннь, как наешься, скажи, кого мы пойдем резать? Твой названный брат уже приказал приготовить девятикольниковую саблю с золотым обухом.

— А? — Е Мяннь растерянно моргнул.

Все покатались со смеху, содрогаясь от хохота.

Ли Чжао, вскочив прямо на постель, принялся в красках изображать пьяный лепет Е Мяння. Он передразнивал его так живо и похоже, что даже такому толстокожему парню, как Е Мяннь, стало неловко. Тот подумал про себя: «Да уж, это тело совсем не умеет пить. Впредь нужно держаться от хмельного подальше».

К счастью, вовремя вернулся Фэнцзинь, избавив хозяина от издевок друзей. Е Мяннь соскочил с кровати и оглядел принесенные блюда. Увиденное его обрадовало: все это было его любимой едой. Попробовав ложку куриной каши, сдобренной кунжутным маслом, он остался очень доволен и ласково похлопал Фэнцзиня по груди:

— Не зря я тебя балую. Отлично помнишь, что мне по вкусу.

Фэнцзинь поспешно замахал руками:

— Это все Князь Жуннань приказал приготовить. На кухне сказали, что еду держали на плите теплой, дожидаясь, пока мы за ней придем.

Е Мяннь на секунду оцепенел, а затем трижды ожесточенно сплюнул, вытер рот тыльной стороной ладони и в гневе прикрикнул:

— Раз это он приготовил, как ты посмел притащить ее мне? Отравить меня вздумал?

Е Мяннь впервые так сильно разозлился на Фэнцзиня. Мальчишка перепугался до слез и с глухим стуком повалился на колени.

Жуань Юньшэн с улыбкой покачал головой:

— Да с чего бы ему тебя травить? К тому же ты законный сын чиновника третьего ранга. Не то что какой-то князь, сам Наследный принц не посмел бы пойти на такое.

Е Мяннь отодвинул от себя чашку и с ледяным видом отрезал:

— Все равно не стану есть то, что он прислал. С голоду сдохну, но не прикоснусь!

Друзьям оставалось лишь вздохнуть. Вэй Анъюань пнул Фэнцзиня под зад:

— Бестолковый! Чего разлегся, живо беги на кухню и вели приготовить что-нибудь другое!

Фэнцзинь лишь переступил с колена на колено, так и не встав, и, размазывая слезы, обиженно пролепетал:

— Так повара только нас и ждали. Как только они отдали мне еду, все кухарки сразу ушли домой.

— А сам ты не мог велеть слугам усадьбы вернуть их? — с раздражением прикрикнул на него

Вэй Анъюань. — Похоже, твой молодой господин слишком тебя разбаловал, раз ты уже возомнил себя полухозяином? Неужели таким пустякам тебя еще учить надо!

Ли Чжао тоже со вздохом покачал головой:

— И то верно. Будь это мой слуга, моя матушка уже всыпала бы ему пару десятков палок и выставила вон.

Е Мянью вовсе не собирался наказывать слугу. Он поднял дрожащего от страха Фэнцзиня, потер грудь и бессильно проговорил:

— Ладно, забудьте. Я уже так сыт этой злостью, что кусок в горло не лезет. Пойдемте лучше на улицу, подышим воздухом, а то в груди все так сжало — дышать нечем.

Небо было усыпано звездами, светила ясная луна.

До середины лета было еще далеко, так что по ночам все же веяло холодом. Накинув легкие плащи, юноши неспешно шли по мощенной синим камнем дорожке, весело переговариваясь. Пейзаж по обе стороны тропы ни разу не повторился — здесь невозможно было бы заскучать, даже гуляя в одиночестве.

Прохладный воздух, напоенный ароматом персиковых цветов, что пышно цвели по всему склону и долине, приятно освежал легкие. Е Мянью глубоко выдохнул, избавляясь от накопившейся тяжести, и почувствовал себя бодрым и обновленным. Его спутники тоже пребывали в прекрасном расположении духа.

В такую ночь Е Мянью вдруг вспомнил, как в прошлый раз получил наказание в Павильоне Синсы и посреди ночи в одиночестве возвращался во Двор Цижуй. Тогда по дороге он принял служку Моши за призрака и неслабо струхнул. Он поведал друзьям об этой нелепой истории, и те покатались со смеху.

Юноши поднялись в Беседку Ветра на самой вершине холма, чтобы приобщиться к прекрасному: они немного полюбовались луной и даже сочинили несколько сентиментальных стихотворений.

Вэнь Сюнь прихватил с собой целую тарелку пирожных со сладкими бобами. За разговорами все проголодались и принялись весело растаскивать угощение. Запить его было нечем, так что они глотали всухомятку, давась и смешно вытягивая шеи.

Е Мянью поднялся и отряхнул с ладоней крошки. С трудом прожевывая оставшийся во рту кусок, он невнятно пробормотал:

— Пошли! Я покажу вам одно отличное местечко.

— И насколько же оно отличное?

— Не понравится — денег не возьму!

Юноши сегодня и сами были не прочь подурачиться, но никак не ожидали, что Е Мянью выкинет такой фокус и приведет их напрямик на кухню.

Молодые господа нерешительно застыли у порога. С самого детства им вдальбивали в голову правило «благородный муж держится подальше от кухни». За всю свою жизнь они ни разу не

переступали этот порог, а дома даже взглядом не достаивали кухонные двери, проходя мимо.

Е Мянэ не стал их неволить и зашел внутрь один. Из досужей болтовни служанок он знал, что в таких богатых домах на кухне всегда томится наваристый бульон, в который каждый день добавляют новые корни и мясо, а огонь под котлом никогда не гасит.

В животе у него всю урчало — разве можно наесться одними лишь сладостями? Другое дело — пиала горячего куриного бульона.

К тому же его друзья с самого детства не знали, что такое голод, а сегодня из-за всей этой суматохи тоже остались без ужина. Еще в беседке он собственными ушами слышал, как у Ли Чжао жалобно заурчало в животе.

<http://bllate.org/book/18289/1753842>